

Слова были сказаны, документ о разрыве родственных уз лежал перед глазами. Старик Чу понимал, что отыграть всё назад уже не выйдет. Поколебавшись секунду, он нахмурился, с силой прокусил палец и, поднеся его к бумаге, поставил кровавый отпечаток поверх сочащихся капель.

— Я человек простой, привык к земле, а не к грамоте, так что подпись ставить не стану.

Увидев, что Чу Нянь широко раскрыл глаза и приоткрыл рот, словно собираясь что-то добавить, старик дернул бровью, опасаясь новых выходок.

— Чего ещё тебе? Сказать хочешь?

Чу Нянь уставился на кровоточащий палец старика. Ему в самом деле хотелось заметить, что у него самого руки в крови, и он мог бы с радостью одолжить немного — совсем не обязательно было калечить себя ещё раз. Но раз уж всё сделано, слова не имеют смысла.

— Ничего.

Он покачал головой. А то, что подписи нет — да и ладно. Это ведь не бюрократическое окошко в его прежнем мире, где без личного автографа ни один документ не признают. В этом мире одного отпечатка достаточно, не стоит лишний раз донимать старика.

Цель достигнута. Чу Нянь наконец выдохнул, аккуратно сложил документ и сунул его за пазуху. Разрыв отношений — первое серьёзное дело, которое он провернул в этом мире. Нужно сберечь бумагу: и как доказательство, и как память. Удовлетворен ли этим оригинал, он не знал, но самому ему стало удивительно легко.

Ай! И всё же цена оказалась высока. Старые раны ещё не зажили, а тут прибавились новые — он даже не мог разобрать, какая из них болит сильнее.

Подняв голову, он обнаружил, что, как и ожидалось, на него снова уставилась вся семья. Правда, теперь выражения лиц были куда богаче. Его можно понять: в глазах домашних оригинал всегда был прозрачным, почти невидимым существом, а теперь вдруг отрастил шипы и начал колоть каждого встречного. Поди, в их представлении он стал настоящим уродом.

Ну и что с того? Все они — люди посторонние, и тратить на них силы не стоит.

Он не собирался обращать на них внимания, но всегда найдётся тот, кто в самый ответственный момент выскочит, чтобы проявить себя.

— Четырнадцатый брат, ты ведь не ходил в школу, откуда ты взял текст для документа? — раздался в наступившей тишине мягкий, вкрадчивый голос.

Как только эти слова прозвучали, зал наполнился гулом, и даже Чу Нянь застыл на месте. Вот чёрт! Как же он мог забыть об этом! В клане Чу только мальчиков отправляли в школу учиться грамоте — как только те достигали подходящего возраста. Всё ради того, чтобы попытать удачи: а вдруг среди них вырастет выдающийся учёный, способный разрушить проклятие, преследующее крестьянский род Чу, и прославить клан? К этому относились с величайшим почтением.

Девушки и гэры же, напротив, рано или поздно должны были покинуть дом, выйдя замуж. В такой семье, где предпочтение отдавалось мужчинам, их считали лишь обузой, не приносящей дохода, — о том, чтобы тратить деньги на их обучение, не могло быть и речи.

Поэтому в глазах семьи Чу оригинал был неграмотным, как пробка. А неграмотный человек, разумеется, не мог сам составить документ о разрыве отношений.

Чу Нянь посмотрел в сторону говорившего и увидел, что тот сидит среди женщин и детей, моргая невинными огромными глазами. Напрягши память оригинала, он узнал его — это был Чу Янь из семьи второго дяди. Такой же гэр, как он, и единственный, помимо самого Чу Няня, не выданный замуж. Несмотря на возраст в четырнадцать лет, для него уже всюю подыскивали подходящую партию. Будучи гэром, он рос под крылом родителей, и жизнь его была куда легче, чем у Чу Няня. Но права на обучение у него тоже не было, вот он и отреагировал так чутко.

Чу Нянь глянул на него, скрежеща зубами. Ну что за напасть: гэры сами же грызут друг друга! Раз уж ты неграмотный, так сиди и прикидывайся дурачком, к чему сейчас вдруг проявлять свою смекалку? Оставался всего лишь один шаг до того, чтобы всё провернуть и уйти, не оглядываясь, а теперь...

Один вопрос — и покой в зале нарушен, словно камень бросили в тихий пруд.

— И правда! Четырнадцатый ни дня в школе не провёл, как он мог составить бумагу? Дедушка, тут явно что-то нечисто! — первым выскочил Чу Цинъюнь, которого до этого все игнорировали.

— Если он не умеет писать, то чьих это рук дело? — громко воскликнула жена третьего сына, невольно поглядывая в сторону мужской половины стола. Там сидели все, кто умел держать кисть. Неужели кто-то помог Чу Няню?

Как только она закончила, её муж не выдержал и рявкнул: — Ты что мелешь, баба? Это же документ о разрыве уз! Даже если нам дадут десять жизней, мы не посмеем такое написать!

— Вот именно, тётушка, даже если бы захотели, он бы не осмелился нас попросить, — с пренебрежением хмыкнул Чу Циншань из семьи второго дяди. Обычно даже взгляд в их сторону стоил Чу Няню побоев, так что вряд ли он стал бы ждать от них помощи.

— Если бы я знал, что он задумал такое, я бы первым выступил против, не позволил бы ему

даже подойти к бабушке с бабушкой с подобными условиями, — поддержал его Чу Цинъюнь.

Видя, что поднялся шум, старик Чу тоже почуял неладное. Документ подписан, но оставлять такое странное дело без внимания нельзя. К тому же ситуация и впрямь выглядела подозрительно, и пока он не докопается до истины, на душе будет беспокойно.

— Нянь-гэр, что скажешь? — его голос звучал ровно, без явной агрессии, но взгляд, прикованный к Чу Няню, не оставлял сомнений: дед намерен вытрясти из него правду.

Другие могли болтать сколько угодно, но когда заговорил старик Чу, Чу Нянь понял — просто так уйти не получится. К тому же он заметил, что Чу Дацин уже потянулся к кочерге; того и гляди, если он не выдаст вразумительного ответа, без побоев не обойдётся.

Будь проклят Чу Янь, ну и язык у тебя без костей!

Видя, что все вокруг вытянули шеи, ожидая ответа, Чу Нянь обвёл их взглядом и в итоге не выдержал — рассмеялся.

— А если я скажу, что обладаю врождённым талантом и всему научился сам, вы поверите?

— Не поверим!

— Тоже мне, нашёлся самородок! Думаешь, парой слов сможешь заболтать нас? — первым возразил Чу Цинъюнь. В этом доме он считался самым образованным, и в его глазах Чу Нянь был не более чем глупцом, не способным ни на что. Сказать такое для него было просто смешно.

Желая подлить масла в огонь, Чу Янь снова вставил свои пять копеек: — Ага! Если я правильно помню, Четырнадцатый брат каждый день то стирал да готовил, то в горах хворост рубил да овец пас, а в свободное время на поле помогал. Тебя никто не учил, как же ты мог научиться?

Чу Нянь бросил на него безмолвный взгляд: — Ты же сам прекрасно знаешь, что всю работу по дому делаю я!

Чу Янь опешил, тут же поняв, что Чу Нянь упрекает его в лени и праздности, и, разозлившись, обиженно парировал: — А кто, если не ты? Всё равно замуж тебе не скоро, так почему бы не поработать на благо семьи?

Услышав эту воровскую логику, Чу Нянь едва не рассмеялся от злости: — Ладно, раз есть кому заступиться, значит, ты прав. Но раз уж у тебя самого ума не хватает, не стоит думать, что я такой же глупец. Разве может называться самообразованием то, чему тебя кто-то учит?

Впрочем, в этом оригинал его не подвёл: он не только быстро освоил стирку и готовку, но и тайком подсматривал за учёбой других, перенимая знания...

<http://bllate.org/book/22371/2346372>